

Мэй Ханьцзюэ отвёл взгляд. Спето было и впрямь недурно, пускай и излишне нежно. Мальчишеский, звенящий юностью голос — как раз во вкусе наследного принца Цзиньлина.

Дела были улажены, так что оставаться дольше не имело смысла. Цзянь Сюэхэ задерживаться не любил; выждав приличия, они с Мэй Ханьцзюэ откланялись и ушли.

Сердце Минну до сих пор тревожно колотилось — липкий, оценивающий взгляд Цзинь Линсяня оставил нехороший осадок. Предчувствуя беду, юноша поднялся со своего места сразу после ухода гостей.

— Ваше Высочество, мне пора возвращаться, — тихо произнёс он.

Цзинь Линсянь благосклонно кивнул:

— Ступай. И не забудь о своём обещании. Жду тебя вечером.

Намёк был прозрачен: ночью ему придётся явиться снова.

Минну послушно склонил голову. С каждым шагом к выходу тревога сжимала горло всё сильнее. Переступив порог главного зала, он не удержался и оглянулся. Какой-то гвардеец склонился к уху принца и что-то быстро нашептал. Струйки благовонного дыма окутывали трон, скрывая лицо Цзинь Линсяня, и от этого его неподвижный силуэт казался зловещим.

Попросить помощи у других учеников? Нет, это лишь навлечёт на них гнев третьего принца. Тревожные мысли роились в голове, мешая дышать, и вдруг перед глазами невольно возникло лицо Цзянь Сюэхэ.

Тот всегда оставался безучастным, ледяным. Но если Цзянь Сюэхэ вмешается, Минну спасён. А если при этом Цзянь Сюэхэ перейдёт дорогу принцу... что ж, Минну это волновать не должно. Своя шкура ближе к телу.

Рассудив так, юноша решительно повернул назад. Оставив позади Восточный двор, он направился к Южному, хотя и понятия не имел, в каких именно покоях устроился Цзянь Сюэхэ.

Должно быть, боги сжалились над ним: у самой развилки он натолкнулся на слугу Мэй Ханьцзюэ, которого приметил ещё в прошлый раз. Тот охотно подсказал дорогу.

— Молодой господин Цзянь сейчас у себя, — предупредил слуга. — Но учтите, он крайне не любит, когда его отвлекают по пустякам.

Поблагодарив его, Минну поспешил к указанному месту. Обитель Сюэхэ ничем не отличалась

от остальных, кроме одной детали: у самой ограды росло старое абрикосовое дерево. Оно стояло в полном цвету, и усыпанные нежно-розовыми лепестками ветви кокетливо свешивались за пределы двора.

— Брат Хэ... — Минну негромко позвал и постучал.

Калитка оказалась не заперта — лишь слегка притворена. Стоило осторожно толкнуть её, как она без скрипа распахнулась. Заглянув во двор, Минну сразу натолкнулся на пристальный взгляд хозяина дома, сидевшего у распахнутого окна.

Цзянь Сюэхэ отдыхал у подоконника, задумчиво разглядывая цветущие ветви. Появление гостя нарушило его уединение, и взгляды юношей безмолвно скрестились.

Лёгкий порыв ветра сорвал с абрикоса несколько лепестков; они плавно опустились на висок Минну. Тот даже не заметил этого — его мысли были заняты другим. Приняв как можно более робкий и пристыженный вид, он замер на пороге.

— Брат Хэ, можно мне войти? — робко спросил он.

Молчание хозяина Минну счёл за согласие. Он неслышно скользнул внутрь и сразу подметил главное отличие этой комнаты от своей: Цзянь Сюэхэ жил здесь один. Мэй Ханьцзюэ не делил с ним покой.

"Всё-таки у него особое положение. Даже здесь он устроился с подобающим удобством"

В воздухе витал тонкий, едва уловимый аромат — прохладный запах талого снега, смешанный с горьковатыми нотами целебных трав. Сам Цзянь Сюэхэ, устроившись у окна, неторопливо перелистывал страницы старого свитка.

— Что-то стряслось? — Сюэхэ поднял голову. Его раскосые глаза-фениксы смотрели холодно и безучастно.

— Брат Хэ, а что это за книга? — уклонился от прямого ответа Минну.

Он скользнул взглядом по свитку в руках названного брата, но затейливая вязь иероглифов показалась ему совершенно незнакомой.

— Так, безделица, — Сюэхэ небрежно отложил свиток в сторону.

Беседовать с Сюэхэ всегда было сущим мучением — тот умел парой слов выставить собеседника круглым дураком или оборвать разговор на полуслове. Минну до боли стиснул пальцы под широкими рукавами, справляясь с неловкостью, и наконец заговорил о главном:

— Брат Хэ... в последнее время Третье Высочество заставляет меня приходить к нему каждый день. Требуется, чтобы я читал ему стихи.

Выслушав его, Сюэхэ лишь равнодушно обронил:

— Вот как? Что ж, сочувствую. Нелёгкая тебе выпала доля.

Издаётся! От этого безразличного тона в груди Минну мгновенно вспыхнула глухая ярость, грозящая перерасти в настоящий пожар. Как же он ненавидел эту холодную надменность!

— Действительно нелёгкая, брат Хэ, — Минну с трудом подавил раздражение, заговорив тише.
— Я больше не хочу туда ходить.

На этот раз Сюэхэ действительно удостоил его взглядом.

— Если не хочешь — откажись. Всего-то и делов.

Голос прозвучал так небрежно и легкомысленно, что не зная Минну скверный характер своего названного брата, точно решил бы, что над ним издеваются.

— Но он же императорский сын! Разве я смею перечить принцу? — прошептал Минну, вовремя изобразив на лице испуг. — Брат Хэ, умоляю, помоги мне... Я больше не вынесу этих чтений в его покоях.

Юноша выпалил это на одном дыхании и уставился на Сюэхэ снизу вверх широко раскрытыми, полными слёз глазами. На его бледном, хрупком лице застыла мольба, а плотно сжатые губы подчёркивали крайнюю беззащитность.

— Пожалуйста, брат Хэ... — жалобно повторил он.

Взгляд Сюэхэ скользнул по его хрупкой фигуре. Тонкие, безупречные черты его лица оставались неподвижными, словно высеченными из нефрита.

— Боюсь, подобные вопросы не в моей власти, — прозвучал холодный ответ.

"Врёт и не краснеет! Будто я его не знаю"

Он прекрасно видел, что для Сюэхэ нет ничего невозможного. В прошлой жизни тот всегда держался особняком, не заводил друзей, однако даже самые влиятельные старейшины не смели переходить ему дорогу. Как бы Минну ни исходил завистью, отрицать очевидное было глупо: названный брат превосходил его во всём.

— Если ты замолвишь за меня словечко перед принцем, он непременно уступит, — настаивал Минну.

В комнате повисло тяжёлое молчание. Сюэхэ не торопился отвечать, но Минну твёрдо вознамерился втянуть его в эту игру. За последнее время он изрядно поднаторел в бесстыдстве, а потому бесцеремонно ухватился тонкими пальцами за широкий шелковый рукав брата. В его взгляде читалось отчаяние пополам с робкой надеждой. Он смотрел на Сюэхэ так, словно тот был его единственным спасением, последней соломинкой в бушующем море.

— Брат Хэ, умоляю, помоги... Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, я расшибусь в лепёшку, но исполню всё, что велишь!

Минну преданно заглядывал ему в лицо. Его хрупкий, невинный облик сейчас источал такую беззащитность, что перед ней растаял бы даже самый подозрительный человек.

Сюэхэ опустил взгляд на его руку, сжимающую шелк.

— И что же ты умеешь? — прохладно спросил он.

— Я могу прибираться у тебя, ходить в библиотеку за свитками... А если захочешь, буду разбирать и раскладывать твои книги, — Минну торопливо указал на заваленный бумагами стол.

— Вот как? — Сюэхэ окинул взглядом столешницу, затем скользнул взором ниже, задержавшись на ученическом жетоне, который Минну судорожно сжимал в ладони. — И чем же ещё ты занимаешься у Третьего принца, помимо чтения стихов?

— Ничем! — поспешно заверил юноша. — Разве что сегодня спел ему песню. Больше он ничего от меня не требовал, клянусь.

Сюэхэ на мгновение задумался, а затем ровным тоном произнёс:

— Знаешь, в последнее время меня тоже одолевает бессонница. Похоже, затея Третьего принца весьма недурна. Как насчёт того, чтобы сегодня ночью ты опробовал её на мне?

Минну опешил. Когда до него дошёл смысл сказанного, лицо мгновенно вспыхнуло от унижения и ярости. Из одной кабалы в другую! Сюэхэ просто-напросто предлагал ему делать то же самое, только в другой комнате.

Обида отразилась на его лице так явно, что скрывать её было бессмысленно. Сюэхэ молча ждал ответа.

Впрочем, взвесив все «за» и «против», Минну быстро пришёл к решению. Сюэхэ, по крайней мере, не был садистом. К тому же, раз уж Минну твёрдо вознамерился в будущем сжить его со свету, лучшей возможности втереться в доверие и разузнать все слабости врага не представится.

— Брат Хэ, но ведь Южный двор довольно далеко от Восточного... Боюсь, если я задержусь допоздна, то наутро просплю занятия в Академии, — с притворной заботой протянул он.

— Не можешь — не берись, — равнодушно отрезал Сюэхэ. — Разговор окончен.

— Я вовсе не говорил, что не справлюсь! — поспешно возразил Минну.

Обида комом встала в горле, но он заставил себя смирить гордыню и говорить как можно мягче.

— Хорошо. Я приду сегодня вечером.

Сюэхэ лишь едва заметно кивнул в ответ.

Минну развернулся и зашагал прочь. Напоследок он всё же оглянулся: у окна уже никого не было, лишь пустая рама сиротливо темнела на фоне цветущего абрикоса.

Опасаясь, что ищейки Цзинь Линсяня отправятся на его поиски, Минну решил не возвращаться в свои покои. Быстро перекусив в трапезной, он сразу же направился напрямик к Сюэхэ.

День едва клонился к вечеру, Мэй Ханьцзюэ поблизости не было. Сюэхэ по-прежнему сидел в своих покоях. Минну неслышно скользнул внутрь, бережно прижимая к груди укутанный в платок узелок с тёплыми, свежевыпеченными сладостями, которые прихватил с собой.

Не дожидаясь приглашения, Минну забился в самый дальний угол комнаты. Он уже прекрасно понял: Сюэхэ терпеть не может пустую болтовню и обратит на него внимание лишь тогда, когда придёт время выполнять обещанное.

Наконец Сюэхэ отложил дела и начал готовиться ко сну. На краю стола сиротливо лежала толстая книга в потертом переплете — сборник буддийских сутр.

Минну опасливо покосился на неё и спросил с сомнением в голосе:

— Брат Хэ... мне читать вот это?

Тот коротко подтвердил.

Минну вздохнул и послушно раскрыл книгу. Первый же взгляд на страницу поверг его в уныние: набранный убористым шрифтом текст казался набором бессмысленных закорючек. Древние священные писания и без того отличались крайней сухостью и туманным слогом, а Минну, выросший в неизвестности, грамоте был обучен из рук вон плохо. Даже сейчас, на занятиях в Академии, ему приходилось на ходу заучивать начертание новых слов, едва успевая записывать за наставником.

— Брат Хэ... тут слишком много незнакомых слов, — тихо признался Минну.

Он поднял на него смущенный взгляд. Тонкий бледный палец скользнул по пожелтевшему листу, словно пытаясь нащупать смысл в хитросплетениях туши. Куда бы он ни ткнул наугад, везде натыкался на мудрёные иероглифы.

Сюэхэ, даже готовясь ко сну, не спешил сбрасывать верхнее одеяние — его строгие шелковые одежды были безупречно заправлены. Похоже, он не ожидал от названного брата столь вопиющей безграмотности: тонкие брови недовольно сошлись у переносицы.

Минну похолодел от страха. Он прекрасно знал, как Сюэхэ раздражает, когда хоть какая-то мелочь нарушает его планы. Юноша поспешно опустил голову, пряча взгляд от ледяного, недовольного лица названного брата.

— И много ли слов ты вообще способен прочесть? — послышался сухой вопрос.

Щёки Минну мгновенно залила краска стыда.

— Самые простые... — пролепетал он. — Обычные иероглифы я знаю неплохо.

Сюэхэ со вздохом поднялся, подошёл к стеллажу и небрежно вытянул с полки другой свиток. На этот раз он выбрал первое попавшееся под руку легкое чтиво — сборник древних преданий и сказок.

Приняв книгу, Минну принялся за чтение, но даже сказки давались ему с трудом. Текст пестрел вычурными оборотами, которые в народе давно никто не использовал. Сюэхэ всегда выбирал редкие, старинные издания, которые обычные люди обходили стороной из-за их заумного слога.

— «Минуя вешние пруды, взираю на цветущий сад... Где персик нежно расцветает, сплетая судьбы наугад...»

Мелодичный, чуть хриловатый голос Минну негромко зазвучал в полумраке покоев. Спустя полчаса непрерывного чтения у него нещадно пересохло в горле. Сделать паузу он не решался,

но, заметив, что названный брат наконец прикрыл глаза, воодушевился. Минну твёрдо решил: стоит мучителю крепко уснуть, как он тут же захлопнет книгу и даст дёру.

Однако надежды его не оправдались. Сюэхэ словно издевался над ним: стоило Минну облегчённо замедлить темп, решив, что парень погрузился в сон, как тот мгновенно распахивал глаза и ледяным тоном поправлял неверное ударение или неверно прочитанный знак.

— Цзянь Минну, ты в своей жизни хоть одну книгу до конца дочитал? — с ленивой усмешкой спросил Сюэхэ.

Минну залился пунцовой краской от такой бесцеремонности. Во рту давно пересохло, язык едва ворочался. Скосив глаза на стоящую на чайном столике изящную фарфоровую пиалу, он набрался смелости и спросил:

— Брат Хэ... а можно мне сделать глоток воды?

— Я пил из обеих чашек, — ровным тоном парировал Сюэхэ.

Намёк был яснее некуда. Минну обиженно прикусил язык и больше о воде не заикался.

Лишь незадолго до полуночи Сюэхэ наконец соизволил его отпустить. Когда измученный Минну добрёл до своей комнаты, на часах давно прошёл час Цзы. В покоях царил кромешный мрак.

К его удивлению, Ли Сяохо на этот раз не спал. Силуэт соседа смутно вырисовывался на краю постели. При виде жуткой маски младенца-призрака Минну по привычке вздрогнул, но тут же понял: Ли Сяохо дожидался именно его.

— Ли Сяохо... ты меня ждал? — неуверенно спросил Минну, проходя в комнату.

Тот едва заметно кивнул и перевёл взгляд на его ноги. Рана на лодыжке Минну ещё толком не затянулась, а он упрямо продолжал нарезать круги по всей территории Академии.

Сквозь прорези маски на него уставились два угольно-черных глаза. Слегка наклонив голову набок, Ли Сяохо тихо спросил:

— Где тебя носило весь вечер?

— Был у названного брата, не переживай, — поспешил успокоить его Минну, польщённый чужой заботой. И тут же добавил: — Боюсь, в ближайшие дни я тоже буду задерживаться допоздна. Надеюсь, я не сильно мешаю тебе спать?

Ли Сяохо молча откинулся на подушки и коротко бросил в темноту:

— Нет. Не мешаешь.

На этом расспросы прекратились. У Минну и самого не осталось сил на разговоры: едва коснувшись головой постели, он провалился в глубокий, безмятежный сон.

На следующее утро пришлось подниматься ни свет ни заря. Превозмогая свинцовую усталость во всём теле, он кое-как натянул одежды и поплелся на лекции. Веки смыкались сами собой, Минну шёл буквально наощупь. С трудом собрав письменные принадлежности, он толкнул тяжёлую дверь наружу и так и замер на пороге.

Прямо перед ним ярким, пламенеющим пятном застыла чья-то алая фигура.

<http://bllate.org/book/20439/2134710>